

Из-за того, что в обед он съел слишком много и пища до сих пор не успела перевариться, на ужин Чжун Минхэ ограничился лишь чашкой сладкого супа.

Затем Ли Дэли помог ему принять горячую ванну.

Чжун Минхэ лежал, прильнув к краю деревянной кадки, и его длинные, тонкие, белые пальцы рассеянно чертили узоры на поверхности воды, разгоняя круги. Его густые черные волосы, спадавшие на плечо, скрывали спину, на которой еще виднелись остатки красных отметин.

Ли Дэли осторожно обтирал его полотенцем, боясь причинить боль.

— Ой! — Чжун Минхэ резко вскинул голову.

— Что случилось? Что такое? — всполошился Ли Дэли, испугавшись, что по неосторожности задел государя.

— Я только сейчас вспомнил: я проспал несколько дней, выходит, утренние доклады никто не принимал?

Перед восшествием на престол его обучали всему, что должен знать император: когда вставать, когда выходить к министрам, когда принимать пищу и прочее.

Прием утренних докладов был самым важным: нужно было изучать бумаги, слушать отчеты вельмож о том, царит ли в Даюане мир и спокойствие, и решать дела, требующие высочайшего вмешательства.

Все это прочно засело в маленькой голове Чжуна Минхэ.

Ли Дэли вздохнул, подумав про себя: «Напугал, я-то уж решил, что стряслось что-то серьезное».

— Ваше Величество, не волнуйтесь, есть же Регент.

— О, верно, еще ведь Чжоу Цзицзи... Значит, я, император, и не нужен вовсе... — Чжун Минхэ продолжил рассеянно водить рукой по воде, помрачнев.

И правда, пока есть Регент, он, император, лишь декорация. Даже если он не будет появляться на докладах несколько дней, никто из чиновников не посмеет и слова сказать.

Поскольку он проспал слишком долго, после купания Чжун Минхэ заколот волосы нефритовой шпилькой, собрав их в аккуратный пучок. Закутавшись в меховую накидку и прижимая к себе

грелку, он устроился в кресле и принялся листать трактат по военному делу. Раньше он тоже любил такие книги, поэтому чтение не казалось ему скучным, напротив, он был поглощен содержанием.

Маленькая золотая рыбка лениво лежала у него на коленях.

Ли Дэли приказал переставить жаровню ближе к Чжун Минхэ, боясь, что тот замерзнет.

— Ваше Величество, вы еще слабы, лучше отдохнуть.

— Не хочу, я буду читать. Это трактат Чжоу Цзиньхэна, раньше мы о таком и мечтать не могли, — ответил Чжун Минхэ, попутно делая пометки и записывая свои мысли.

У него был красивый, утонченный почерк — когда-то он учился у старого счетовода в своем поместье. Тот научил его многому, и Чжун Минхэ мог читать древние манускрипты, однако старик скончался от болезни, и многое осталось неизученным, поэтому чтение военных трудов давалось ему с трудом.

Чжун Минхэ потер глаза и зевнул, на уголках глаз проступили слезы.

Внезапно снаружи слышались голоса. Судя по всему, пришел Регент, и Ли Дэли наострил уши.

— Его Величество почивает? — спросил Чжоу Цзицзи.

Маленький евнух дрожащим голосом ответил:

— Е-еще нет.

Дверь тут же распахнулась.

Чжун Минхэ не расслышал, что говорят снаружи, и от любопытства вытянул шею. меховая накидка съехала, а ворот ночного халата оказался слишком широким, обнажая нежную, розоватую кожу.

Ли Дэли тут же забил тревогу, поправляя накидку так, чтобы Чжун Минхэ был укутан с головы до ног и ни дюйма кожи не оставалось на виду.

Кто знает, не охватит ли этого безумного Регента снова похоть, не решит ли он оскорбить государя.

Чжоу Цзицзи в темных одеждах вошел в покои. Его взгляд сразу упал на Чжун Минхэ, спрятавшегося за спину Ли Дэли. Уголки губ Регента тронула улыбка, но в глазах затаились беспокойство и раскаяние.

Чжун Минхэ украдкой поднял взгляд, его черные глаза забежали, но, встретившись с глазами Чжоу Цзицзи, он тут же опустил их. Невольно вжавшись в евнуха, он уцепился за подол его одежды, дрожа, как птенчик, и поспешно прикрыл рукой записи, которые делал.

— Сын ваш приветствует Ваше Величество. Как ваше самочувствие? — Чжоу Цзицзи отвесил безупречный поклон.

Чжун Минхэ вздрогнул, еще крепче вцепившись в одежду Ли Дэли, и заикаясь ответил:

— Х-хорошо...

Ли Дэли сглотнул ком в горле и опустился на колени:

— Раб приветствует Регента. — На его лбу невольно выступили крупные капли пота.

Чжоу Цзицзи махнул рукой, веля ему подняться и выйти.

Ли Дэли помедлил, бросив робкий взгляд на государя за спиной. Он боялся оставлять их наедине: если Регент решит что-то сделать...

— Регент, Ваше Величество...

Чжоу Цзицзи слегка нахмурился, косо взглянул на Ли Дэли и холодно произнес:

— Что? Боишься, что я съем твоего императора?

— Н-нет, не смею, — Ли Дэли в ужасе опустил голову.

Казалось, даже если бы Регент и вправду задумал недоброе, он был бы бессилен помешать.

Чжун Минхэ не хотел отпускать подол Ли Дэли, сжимая его до побелевших пальцев. Ли Дэли с трудом разжал его пальцы, успокаивающе похлопал по руке и, набравшись храбрости, сказал Чжоу Цзицзи:

— Регент, здоровье Вашего Величества только начало поправляться. Лекарь сказал, нужно беречь его, нельзя перетруждать.

Он надеялся, что Регент проявит милосердие и не даст волю своим звериным инстинктам.

К его удивлению, он получил короткое «Угу».

Хотя Регента боялись как жестокого и кровожадного тирана, были у него и достоинства: в столице его слово было законом, и если уж он что-то обещал, то никогда не отступал от своих слов.

Это немного успокоило Ли Дэли.

Чжун Минхэ все еще тянулся за евнухом, но Чжоу Цзицзи преградил ему путь. Ему оставалось лишь проводить Ли Дэли взглядом, а затем он вынужденно отвел глаза. Ему хотелось посмотреть, не сверлит ли его взглядом Чжоу Цзицзи, но он не осмелился и уставился на собственные туфли.

С высоты своего роста Чжоу Цзицзи видел обнаженную шею государя. На коже, которая должна была быть безупречной, все еще виднелся бледный след — то ли от зубов, то ли от пальцев.

Несмотря на то, что той ночью всему виной были снадобья, он отчетливо помнил каждую деталь: как этот прелестный, изящный человечек стонал под ним, заливаясь краской.

У Чжоу Цзицзи перехватило дыхание, в голове вновь всплыли порочные мысли. Он понимал, что так нельзя, слегка помотал головой, отгоняя наваждение, и переключил внимание на что-то другое.

Его взгляд упал на руки Чжун Минхэ: они были в ссадинах, где-то уже покрывшихся корочкой, где-то еще воспаленных.

Мазь Белого Нефрита была лучшим средством от ран. По логике, за десять дней руки должны были вновь стать белыми и чистыми, но они оставались в прежнем состоянии.

— Ваше Величество, вы не пользовались лекарством? — не удержался он от вопроса.

— А? — Чжун Минхэ не сразу понял, о чем речь, и поднял глаза на Чжоу Цзицзи. Евнух учил его: когда разговариваешь с кем-то, нужно смотреть в глаза, иначе это невежливо. — Но я ведь не поранился.

Чжоу Цзицзи указал на его обморожения.

Чжун Минхэ прикрыл руки, почувствовав необъяснимую вину, и забормотал:

— Есть... есть, лекарь дал лекарство.

— Какое? От какого лекаря?

— Самое... обычное, от обморожений. Это лекарь Ли...

Лекарь Ли был земляком Ли Дэли, единственным, с кем можно было договориться во дворце. Самым искусным лекарем считался Чжан Чжичунь, но они прекрасно знали, что он человек Чжоу Цзицзи. Ли Дэли боялся подпускать его к государю, а когда того однажды привели, когда государю было плохо от действий Регента, Ли Дэли не посмел отказать.

— Почему не обратились к Чжан Чжичуню? К тому же, я передавал вам Мазь Белого Нефрита.

— Я... я... — Чжун Минхэ сжал кулаки, не обращая внимания на боль. Он был до смерти напуган.

Евнух говорил, что Чжоу Цзицзи — человек дурной и его вещи брать нельзя. Поэтому все, что Регент присылал в поместье, оставалось лежать нетронутым в кладовых Резиденции князя Мина.

Видя, что Чжун Минхэ не может связать и двух слов, Чжоу Цзицзи внезапно шагнул вперед, взял его за руки и принялся. Знакомого аромата османтуса не было. Брови Чжоу Цзицзи нахмурились еще сильнее.

— Почему не использовали мазь? Вы не хотите, чтобы ваши руки зажили? — Чжоу Цзицзи не сдержался и повысил голос, отчего у слушающего по спине пробежал холодок.

Чжун Минхэ вздрогнул. Он попытался выдернуть руки, но хватка Чжоу Цзицзи была слишком крепкой. Он дернулся, и на заживавшей ссадине выступили капли крови. От резкой боли у него сразу брызнули слезы.

Его большие, влажные глаза наполнились слезами, которые покатались по щекам. Лишь тогда Чжоу Цзицзи осознал, что был слишком резок. Он поспешно смягчил тон и отпустил его руки.

— Прости, я сделал тебе больно?

Услышав его извинения, Чжун Минхэ замер, будто услышал что-то невероятное. Он перестал плакать и захлопал глазами, растерянно глядя на Чжоу Цзицзи.

Ссадина саднила, но боли, способной вызвать такие слезы, не было. Он заплакал, чтобы Чжоу Цзицзи не обижал его, но тот... тот попросил прощения.

У него никогда не было подобного опыта.

Раньше, если кто-то его обижал, дразнил, бил или ругал, стоило ему заплакать — обидчикам становилось скучно. Они плевали в его сторону и уходили.

Но они никогда не просили прощения. Хотя это была их вина, они первыми начинали задираться, но в них не было ни капли раскаяния.

Впервые услышав чужие извинения, Чжун Минхэ не знал, что делать.

— Что такое? — Чжоу Цзицзи, глядя на его ошарашенный вид с дрожащими от слез ресницами, почувствовал, как сердце сжалось от жалости.

Чжун Минхэ шмыгнул носом и спросил:

— Ты... почему ты извиняешься?

— Потому что я был неправ и нечаянно причинил тебе боль, — честно ответил Чжоу Цзицзи. Это была его вина, даже если причиной послужил отказ Чжун Минхэ пользоваться лекарством.

— Значит... это была не моя вина? Да?

Даже если другие всегда обижали его, называли дураком и постоянно били — это тоже не было его виной?

<http://bllate.org/book/21172/2144765>